

УДК 82-311.8

О ПУШКИНЕ В 1838 ГОДУ: И. И. ПАНАЕВ И Н. И. НАДЕЖДИН

Орехова Л. А.

Институт филологии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Симферополь, Российская Федерация

e-mail: la.orehova@gmail.com

В 1838 г. в Петербурге под «особым наблюдением» министра просвещения выходят из печати восемь томов посмертного Собрания сочинений А. С. Пушкина. П. А. Плетневым продолжается издание пушкинского «Современника» (IX–XII тт.), причем том девятый открывался эпитафией: «Указывает путь и посох подает» – строкой из «Ответа анониму» Пушкина. 1838 год стал не только годом поминовения Пушкина, осмысления обстоятельств его гибели, но и роли «утраченного Россией поэта» (П. А. Плетнев) в национальной истории. Издание на Юге России «Одесского альманаха на 1839 год» позволяет судить о разворачивающейся тенденции открытого разговора о Пушкине, утверждению в обществе памяти о нем.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Одесский альманах», «Русская Алгамбра», И. И. Панаев, Н. И. Надеждин, Д. М. Княжевич.

ВВЕДЕНИЕ

В «Одесском альманахе на 1839 год» помещены «Русская Алгамбра» Н. И. Надеждина и «Как добры люди!» И. И. Панаева – произведения тематически и стилистически различные и, на первый взгляд, связанные между собой лишь местом и временем издания. Однако историко-литературный и биографический контекст позволяет рассматривать эти тексты в синхронистической парадигме и в зависимости от прогнозируемых читательских настроений в 1838 г. **Цель** статьи составляет доказательство этой гипотезы. Привлечение аргументов происходит в ходе решения основных **задач**: анализ критических взглядов Н. И. Надеждина на творчество А. С. Пушкина 1828–1830-х гг., изучение обстоятельств подготовки и выхода «Одесского альманаха на 1839 год», а также предпосылок и условий написания рассказа И. И. Панаева «Как добры люди!» и очерка Надеждина «Русская Алгамбра». В статье используются культурно-исторический, биографический, функционально-описательный, психологический **методы** исследования.

ОСНОВАННАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начать необходимо с середины 1820-х годов. Поражает воображение список вышедших тогда из печати произведений А. С. Пушкина. Первой в ряду видим поэму «Бахчисарайский фонтан», вышедшую в Москве 10 марта 1824 г. Небольшая книжка [35] включала, помимо поэмы, предисловие П. А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», а также, по предложению Пушкина, отрывок о Бахчисарае из «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола. В мартовском номере (цензурное разрешение 22 марта 1824 г.) издаваемого Н. И. Гречем исторического, политического и литературного журнала «Сын Отечества» в разделе «Современная русская библиография» оповещалось: «Наконец появилось стихотворение, которое в

продолжение всей нынешней зимы с нетерпением ожидали любители поэзии! Поздравляем их с удовольствием, которое доставлено им будет чтением сей небольшой прекрасной поэмы» [44, с. 233]. Н. И. Греч в числе первых оценил талант Пушкина; в его типографии изданы «Руслан и Людмила» (1820) и «Кавказский пленник» (1822). «Бахчисарайский фонтан» в литературных кругах действительно ожидали «с нетерпением»; поэма до издания имела, говоря словами Пушкина, «рукописную известность» [37, т. 13, с. 91–92; 38, с. 100–119]. Ежедневный «Сын Отечества» пользовался популярностью, высказанные здесь оценки убедительно подготавливали читателя: «Цвет местности сохранен в повествовании со всею возможною свежестью и яркостью. Есть отпечаток восточный в картинах, в самих чувствах, в слоге. По мнению судей, коих приговор может считаться окончательным в словесности нашей, поэт явил в новом произведении признак дарования, зреющего более и более. – Рассказ у Пушкина жив и занимателен. <...> В раму довольно тесную вложил он действие, полное не от множества лиц и сцепления различных приключений, но от искусства, с каким поэт умел выставить и оттенить главные лица своего повествования» [44, с. 234]. «Весьма кстати», считал Н. И. Греч, помещено в издании «бахчисарайское письмо» из «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола [44, с. 234].

В июле 1824 г. журнал «Отечественные записки» (№ 51) П. П. Свиньина при публикации «Описания дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненного, по приказу графа Миниха, Капитаном Манштейном» [15], цитирует поэму Пушкина как всем уже известную. Кристоф Герман Манштейн (1711–1757) – адъютант генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха, автор книги «Записки о России»; участвовал в Крымском походе 1736 г., его свидетельства дополняли информационный ряд о Бахчисарае. «Для сравнения с сим старинным описанием Бахчисарайского дворца» П. П. Свиньин после текста Манштейна «присовокупляет выписку» о Бахчисарае из «Путешествия по Тавриде» Муравьева-Апостола, чтобы «ближе познакомить» с «памятником восточной неги и пышности» [22, с. 84], и в подстрочнике приводит несколько строф из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина [22, с. 94, 96]. Широкая подборка материалов популяризировала поэму и актуализировала вопросы истории Крыма в духе напечатанного на обложке журнала девиза «Отечественных записок»: *«Любить Отечество велит природа, Бог, / А знать его – вот честь, достоинство и долг!»* П. П. Свиньин и позднее, после путешествия в Крым в 1825 г. и посещения Бахчисарая, записки свои о Ханском дворце («Бахчисарайский дворец. Из путевых записок издателя «Отечественных» записок» 1825 года), опубликованные в его журнале в 1827 г., украсил фрагментами пушкинской поэмы [42, с. 3–27; 11, с. 111–123, 149–163], уверяя, что «всяк, читавший Бахчисарайский фонтан, помнит наизусть; но надобно быть на месте, надобно с сим прелестным произведением Пушкина в руках обойти развалины дворца Гиреев, подобно как с Энеидою осматривать остатки Трои» [42, с. 4–5]: «Ах! Какими сладкими минутами я обязан таланту Пушкина, особенно в сем таинственном саду, где я провел несколько часов в упоении мечтаний, им мне показанных» [42, с. 5]. Он готов верить, что каменная гробница в отдалении от дворца (Дюрбе Диляры-бикеч у южных ворот Ханского дворца. – Л. О.) хранит память о

польской княжне, «страстно любимой Гиреем»: «Сюда печальный Хан удалялся, вероятно, оплакивать втайне невозвратимую утрату свою, утрату своего сердца» [42, с. 22]. И всюду при осмотре дворца «прелестные стихи» Пушкина были путешественнику «руководителем», и «предавался» он «магии поэта, изобразившего сокровенности <...> в сих неподражаемых стихах» [42, с. 19].

А. С. Пушкин и Н. И. Надеждин

Итак, с овациями «Бахчисарайскому фонтану» к Пушкину стремительно приходит широкое признание [36; 38]: публикуются главы «Евгения Онегина» (1825, 1826, 1827, 1828), первое собрание стихотворений («Стихотворения Александра Пушкина», СПб, 1826), выходят «Цыганы» (М., 1827), 2 издания «Братьев разбойников» (М., 1827); вторым изданием появляются: «Руслан и Людмила» (1827), «Кавказский пленник» (1828), «Граф Нулин» (1827), «Бахчисарайский фонтан», с 4 гравюрами С. Ф. Галактионова, академика Императорской Академии художеств (СПб, 1827). А в 1830 г. предпринято 3-е издание поэмы, «имевшей после «Евгения Онегина» наибольший успех среди прижизненных книг Пушкина» [43, с. 234]. В 1831 г. выходят «Борис Годунов», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.», последняя глава «Евгения Онегина».

Но «поэтический триумф» был не безоблачным [12, с. 5–25]. Появлялись продиктованные завистью критические статьи, которые, тем не менее, с любопытством принимались публикой, а автор-критик представлялся «независимым». По замечанию Е. В. Новиковой, «без лаю» к славе «не пропускали», и «особенно отличался» «Вестник Европы» с его редактором М. Т. Каченовским [20, с. 165], полагавшим Пушкина своим врагом. В «Вестнике Европы» – до закрытия журнала в конце 1830 г. – печатался Н. И. Надеждин под псевдонимом «Никодим Надоумко, экс-студент из простых». Суждения его «о произведениях Пушкина, беспрецедентно резкие по тону, на протяжении 1829–1830 гг.» становились «от статьи к статье все тенденциознее» [36, с. 383] и эпатажнее. Это была серия статей «эффекта борьбы и разрушения» [19, с. 6] о новейшей литературе, отличившейся, как заявлял Надоумко, «крайней бедностью поэтической жизни». Его раздражал «общий энтузиазм к Пушкину», «любимому временщику» моды, тогда как «каждая новая глава “Онегина” яснее и яснее обнаруживала непритязательность Пушкина на исполинский замысел», и «Евгений Онегин» «не возбуждает никакого участия» в публике. По выражению Ю. В. Манна, Надоумко «открыл огонь по Пушкину»: «Мишенью <...> сделались все наиболее известные произведения поэта, старые и новые, – южные поэмы, «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин», первые главы «Евгения Онегина»... Критик не брезговал политическими обвинениями, не останавливался перед остротами весьма вульгарного толка. «Для гения не довольно смастерить Евгения!» – каламбурил Надеждин в 1829 г. в статье о «Полтаве» [19, с. 27].

На «критики» «экс-студента» Пушкин откликнулся в 1829 г. несколькими эпиграммами, высмеивавшими «болвана-семинариста» [41, с. 252–253], а в эпиграмме «Нахмурясь на мое презренье...» лаконично определил помышления Надоумки: «Укушенный желаньем славы / <...> / Журнальный шут, холоп лукавый»

[41, с. 255]. Ответные эпиграммы Надеждина «Младой певец Фактыдурая!» (намек на: «певец Бахчисарая») и «О Гений гениев! Неслыханное чудо!» – поэтически беспомощны, но подписаны грозно: Орлино-Кохтев, Львино-Зубов [41, с. 322, 621]. Что руководило Надеждиным? Ю. В. Манн объяснял критические пассажи Надеждина его философско-эстетическими убеждениями, подходом к Пушкину «со своим критерием философски-значительного» [19, с. 28], но признавал, что это «не принадлежит, конечно, к светлым страницам его (Надеждина. – Л. О.) биографии» [19, с. 27].

Сын сельского священника, Н. И. Надеждин (1804–1856) окончил в Рязани духовное училище, духовную семинарию, в 1824 г. – Московскую духовную академию. В 1826 г. вышел из духовного звания. В 1828–1830 гг. печатался в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского, профессора (с 1831 г. – ректора) Московского университета. В 1830 г. защитил в Московском университете диссертацию о романтической поэзии, получил степень доктора этико-филологических наук; в декабре 1830 г. стал ординарным профессором Московского университета (до выхода в отставку в 1835 г.). С 1831 г. издавал при Московском университете журнал «современного просвещения» «Телескоп» (на правах частного издания) и литературное приложение к «Телескопу» «Молва».

С этого времени интонации Надеждина в отношении Пушкина изменились. Более того, он стремился привлечь поэта к сотрудничеству, прислал ему «билет» на «Телескоп». Пушкин понял шаг Надеждина и в письме М. П. Погодину от 3 января 1831 г. иронизировал: «Мы живем во дни переворотов – или переоборотов (как лучше?)» [34, с. 384–385]. В «Телескопе» Пушкин напечатал памфлеты против Булгарина под псевдонимом Феофилакт Косичкин. Надо заметить, что к этому сроку критические споры о романтизме, против которого недавно в «Вестнике Европы» рьяно боролся Надеждин, сменились на споры о народности, и проблема народности «количественно» заняла в его критике «преобладающее место» (Ю. В. Манн). С «Телескопом» сотрудничали многие литераторы, публиковался и редактировал журнал в отсутствие Надеждина В. Г. Белинский. Но в 1836 г. в «Телескопе» (№ 15) Надеждин, воспользовавшись доверчивостью цензора, опубликовал «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. 22 октября 1836 г. журнал закрыли, а Надеждин после покаянных признаний на допросах [19, с. 37–38] был сослан в Усть-Сысольск, затем в Вологду – с сохранением, однако, права заниматься литературной работой под собственным именем.

Как относились читатели к критике Надеждина? В период выхода «Телескопа» московскому студенчеству казалось, что вступили «на литературное поприще молодые люди», и «литературное направление» выражалось «Телеграфом», «Телескопом», «Молвою» [33, с. 150]. В Надеждине видели «определенный *тип времени*» (Ю. В. Манн); покоряла «быстрота» его пера, хотя, как вспоминал М. А. Максимович, в «литературном кругу» «слог первопечатных статей Надеждина не нравился вообще», «будучи еще не устроен – излишне витиеват, недовольно художественен» [14, с. 226, 229–230].

Но у близко знавших Надеждина людей формировалась и иная его характеристика. Так, Белинский писал К. С. Аксакову 21 июня 1837 г., что

Надеждин-критик «даже и не подозревал, чтобы на свете существовала добросовестность, убеждение, любовь к истине, к искусству»: «Он извивается, как змея, хитрит, клеветает, по временам притворяется дураком, и все это плоско, безвкусно, трактирно... Только глупое состояние нашей журналистики до 31 года помогло этому человеку составить себе какой-то авторитет» [3, с. 73]. Впрочем, после катастрофы с «Телескопом» имя Надеждина облекалось страдальческим ореолом. По свидетельству И. И. Панаева, статьи Надеждина в Петербурге хотя и «не нравились» «по своему тону, отзывавшемуся несколько бурсою», но «запрещение журнала всегда возбуждало в публике сочувствие и участие к журналисту, подвергнувшемуся опале» [33, с. 143]. Надеждину помогали существенно. В частности, братья Княжевичи, обеспечившие ему после северной ссылки проживание и новую деятельность на юге страны.

По пути в Одессу: Княжевичи и Надеждин

28 февраля 1838 г. ссыльный Надеждин, получив разрешение жить в обеих столицах, писал из Вологды М. А. Максимовичу, профессору Киевского университета Св. Владимира: «Если Бог продолжит ко мне свои милости, если изгнание коснется своего предела, то я обниму тебя скорее, нежели как ты думаешь. Потеряв все в Москве, не имел никогда ничего в Петербурге, – я имею твердое намерение пуститься на Юг, как скоро не буду привязан к Северу. Это тем более необходимо для меня, что здоровье мое требует укрепления физического. Мне необходимо южное небо, южный воздух.

В Одессе и в Крыму дружба истинная, высокая, беспримерная дружба, вынесшая огненную пробу, – готовит мне спокойный приют» [14, с. 229–230]. Так Надеждин сообщает о приглашении братьев Княжевичей переехать в Одессу или Крым. Здесь необходимы пояснения.

Речь идет о четырех сыновьях Максима Дмитриевича Княжевича, серба, поселившегося в России в екатерининские времена и при поддержке Г. Р. Державина получившего должность уфимского прокурора [29]. Сыновья были трудолюбивы, служили на высоких постах и при этом активно занимались литературой и издавали в 1822–1823 гг. «Библиотеку для чтения», литературное приложение к «Сыну Отечества». Старший, Дмитрий Максимович (1788–1844), служил в Министерстве финансов (при министре Е. Ф. Канкрине); занимался литературой [24, 27, 28], опубликовал сборник «Подарок на святки» (1822), «Полное собрание русских пословиц и поговорок», учтенное впоследствии В. И. Далем [26, с. 474–478; 27, с. 79–87]; являлся вице-президентом Вольного Общества любителей российской словесности (1824), выступал в столичных журналах и альманахах со статьями о русских синонимах, и статьи его заслужили похвалу А. А. Бестужева: «Княжевич пишет мило, умно и правильно – три вещи, довольно редкие на Руси» [11, с. 335]. В феврале 1837 г. Д. М. Княжевич избран членом Российской Академии. Соединявший таланты администратора-просветителя и филолога Д. М. Княжевич в 1837 г. получил предложение от министра просвещения С. С. Уварова занять пост попечителя Одесского учебного округа (куда входили Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии и Бессарабский край).

Второй по старшинству из братьев – Александр Максимович Княжевич (1792–1872) – чиновник министерства финансов (в 1858–1862 гг. – министр финансов) России; заступничеством и хлопотами сыграл важнейшую роль в облегчении участи Н. И. Надеждина после 1836 г. Николай Максимович Княжевич (1794–1852) – полковник в отставке, участник заграничных походов, талантливый поэт; в 1836–1838 гг. являлся Рязанским вице-губернатором и до 1849 г. оставался председателем Рязанской казенной палаты. Младший из братьев – Владислав Максимович (1798–1873) – чиновник Министерства финансов и литератор [11, с. 333–341, 469–523]; в 1832 г. становится вице-губернатором Таврической губернии, поселяется в Симферополе и обустраивает имение Марьино; совместно с братьями покупает земли на морском побережье юго-востока Крыма (Кучук-Узень и Тувак), где постепенно развивается виноградарство. Знакомство Надеждина с Княжевичами произошло в начале 1830-х; особенно сблизился он с жившими в то время в Петербурге Александром и Дмитрием Максимовичами, и дружбой этой дорожил.

Наметив день отъезда из ссылки, Надеждин пишет Максимовичу 25 апреля 1838 г. из Вологды: «Да – я совершенно счастлив – потому, что прощен милосердным Монархом, совершенно возвращен к жизни, совершенно свободен! – Я все еще пока в Вологде, но уже не оттого, что не могу, а оттого, что нельзя тронуться с места. У нас только что начинается весна. Реки и болота вскрылись. Надо сидеть, по крайней мере, до мая. <...> Еду прямо в Питер. <...> С получения этого письма ты адресуйся ко мне уже в Петербург, надписывая «в канцелярию министерства финансов» (видимо, из канцелярии письма забирал А. М. Княжевич для передачи Надеждину. – Л. О.). Из Петербурга я выберусь уже с Дм. Макс. Княжевичем, который будет там в половине июля, с которым, верно, ты увидишься еще прежде, когда он поедет через Киев (из Одессы в Петербург. – Л. О.) <...>» [14, с. 230–231].

Если из февральского письма Надеждина следует, что, собираясь из ссылки, он не решил, где поселиться, в Одессе или Крыму («В Одессе и в Крыму дружба истинная...»), то в апреле уже вполне определенно связывает планы с переездом не в тихий Симферополь к В. М. Княжевичу, а в «южную Пальмиру», где недавно назначенный попечитель учебного округа Д. М. Княжевич со свойственной ему страстью развернул просветительскую деятельность, в том числе литературную и издательскую. В частности, в 1838 г. он готовил «Одесский альманах на 1839 год» и посылал литераторам приглашения в новое издание. Апрельское письмо сообщает, таким образом, что в начале лета 1838 г. Надеждин предполагает быть в Петербурге и там ожидать Д. М. Княжевича, чтобы в августе вместе отправиться в Одессу. Дальнейшее узнаем от И. И. Панаева.

«Одесский альманах»: Надеждин и Панаев

Остановился Надеждин в гостинице Демута (в центре Петербурга, на Мойке); здесь посещали его сочувствующие литераторы, в их числе 27-летний И. И. Панаев, старающийся узнать и понять Надеждина, «возбуждавшего большой энтузиазм между московскою студенческою молодежью» [33, с. 143]. При первой встрече Надеждин сумел «увлечь» Панаева «обширными сведениями, изумительной памятью, даром слова» [33, с. 145], но удивил «неуклюжестью и аляповатостью» манер, «крикливым» голосом, противоречивыми чертами личности. Спустя годы в

«Литературных воспоминаниях» Панаев сформулировал свое видение литературной судьбы Надеждина: «Если бы ум и знания соединялись в Надеждине с твердостью воли, он, вероятно, оставил бы по себе прочную память в летописях Московского университета или в истории русской литературы. К сожалению, при своем замечательном уме и при своих блестящих способностях, он вертелся, как флюгер, по прихоти случайностей <...>. В науке, в литературе, на служебной арене – он везде обнаружил большие способности, но не сделался серьезным ученым и не имел влияния ни в литературном, ни в чиновничьем мире. Надеждин был человек вполне просвещенный и свободномыслящий, но не имевший никаких твердых убеждений <...>» [33, с. 146].

Продуманная стилистика «беспристрастного летописания» в «Воспоминаниях» не оставляет сомнений, что автор многократно восстанавливал в памяти события и тщательно выбирал характерные эпизоды, диалоги, избегая мелочной детализации, однозначных оценок и даже комментария. Не сказано, к примеру, какие поступки Надеждина заставили Панаева написать, что «искренность и добродушие не были его отличительными качествами»: «Все его недостатки, истекавшие из слабости его характера, очень видимы были для всех его приятелей: они обсуживались за глаза строго, возбуждали даже негодование» [33, с. 146–147]. Но вот особо важное для нас обстоятельство, о котором рассказывает Панаев (в спокойно-объективированной тональности): в Петербурге возвратившийся из ссылки Надеждин «собирает» (несомненно, по просьбе Д. М. Княжевича. – Л. О.) материалы для «Одесского альманаха» (на 1839 год. – Л. О.); приглашает и Панаева. Приведем цитату с состоявшимся диалогом:

«Он (Надеждин. – Л. О.) собирал тогда статейки для «Одесского альманаха» и просил меня дать что-нибудь. Я написал для него рассказ под заглавием: «Как добры люди!» Этот рассказ был до такой степени пошл и плох, что мне стыдно вспоминать об нем. Я и тогда, впрочем, чувствовал, что он плоховат, и заметил это Надеждину, который вскрикнул:

– Э, ничего! Сойдет с рук!.. А давно ли вы видели нашего Лукьяна? – прибавил он (Якубовича звали Лукьяном). – Мне он нужен... Ведь и у него надо взять стишков на затычку...

И Надеждин, говоря это, осклаблялся и издавал звуки, похожие на смех» [33, с. 148].

Итак, по поручению Д. М. Княжевича Надеждин готовил для «Одесского альманаха на 1838 год» литературные материалы, используя возможности петербургского общения. Представляется, что тема принесенного Надеждину рассказа «Как добры люди!» – талантливый поэт и общество («добрые люди») – поставлена не только на психологическом, но и конкретно-историческом уровне. Что имеем в виду? Автор посвящает свой рассказ другу-современнику М. А. Языкову [1, с. 23–58] и открывает эпиграфом – первой строкой из сонета А. С. Пушкина «Поэту», написанного 1830 г., в период журнальной травли: «Поэт! не дорожи любовью народной...». Стихотворение публиковалось в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы на 1831 год», имевшем 4000 подписчиков [6, с. 152], и было хорошо известно читателям. Какие были основания у Панаева выбрать такой эпиграф?

В литературоведении обстоятельно изучалась реакция светского общества и властей на дуэль и смерть Пушкина в 1837 г. [13, с. 385–403]. Известно, что в числе немногочисленных печатных известий о кончине поэта [13, с. 390–391] были одесские: с одобрения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, 12 февраля 1837 г. в «Journal d'Odessa» была опубликована на французском языке посвященная Пушкину статья А. Г. Тройницкого, а 13 февраля 1837 г. – в «Одесском вестнике» – статья Н. Г. Тройницкого, на русском языке [32, с. 155–157].

В 1838 г., в годовщину смерти Пушкина, в литературно-общественной среде продолжались разговоры об обстоятельствах его гибели. Распространялись изустные интерпретации событий минувшего года, но печатных откликов «на смерть поэта» практически не было, поскольку с 1837 г. «все отклики на смерть Пушкина должны были проходить особую цензуру председателя цензурного комитета и самого министра» [3, с. 46]. Надеждин и Панаев об этом знали.

В то же время они знали о готовящемся посмертном Собрании сочинений Пушкина. Знали о недавнем выходе очередного – девятого – тома пушкинского «Современника» (цензурное разрешение 29 марта 1838 г.), редактируемого после смерти Пушкина его другом профессором П. А. Плетневым. Возможно, Панаев даже принес показать Надеждину этот том, где было опубликовано его стихотворение «Померкнул день» [45, с. 146], причем непосредственно после стихотворения Пушкина «Кто знает край...» [45, с. 143–145].

П. А. Плетнев тяжело переживал смерть Пушкина. Искренняя его боль подсказала не только слова, но интонации и жанр большого материала «О литературных утратах», помещенного в том же томе «Современника» в разделе «Современные события» [45, с. 27–56]. Вспоминая фамилии ушедших литераторов, составивших гордость России, последние страницы Плетнев посвящает Пушкину и говорит продуманное и выстраданное:

«Мы потеряли поэта в его лучшие годы. Смерть его произвела не жалость, но какое-то оцепенение. Странно было слышать, но мучительнее уверить себя в утрате, к которой ничто не готовяло. О нем можно сказать, что смерть не похитила его, но оторвала от нас. Чувство, испытанное современниками в ту минуту, не принимало обыкновенных оттенков, смотря по различию характеров и отношений: оно выразилось ровным болезненным содроганием. Теперь время и размышление привели душу в другое состояние: она измеряет пространство, отделявшее великого поэта от его последователей и задумчиво смотрит на судьбу благородного искусства, в котором так много народной славы» [45, с. 54].

Плетнев рассказывает о своей недавней поездке на могилу поэта в Святогорский монастырь, к каменной церкви Успения Божьей Матери, где за церковью «представляется площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому»:

«Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестности. Перед жертвенником

есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аришина. Она укладена дерном. Посредине водружен черный Крест, на котором из белых букв складывается имя: П у ш к и н» [45, с. 56].

По сути дела, Плетнев впервые рассказал широкому читателю, где находится и как выглядит могила Пушкина. Его простые тихие слова заставляют замереть.

Характерно, что в статью Плетнев включает стихотворение Пушкина «Эхо», не упускает случая упомянуть его имя и в самом начале следующей статьи «Праздник в честь Крылова» [45, с. 57]. И в следующем, X томе «Современника» (цензурное разрешение 28 июня 1838 г.; цензоры А. Никитенко, В. Лангер) Плетнев публикует «Сцену из “Бориса Годунова”», а также биографию поэта «Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1837» с фрагментами его стихотворений.

Может быть, именно начинания Плетнева сформулировали Панаеву идею для «Одесского альманаха» и именно тогда у него сложился план продолжить и конкретизировать мысли о великом таланте, «явлении неразгаданном, необъясненном», затронутые Плетневым в статье «О литературных утратах», а затем в биографии поэта («Современник», т. X). Утверждение Плетнева, что «никто не действует так прямо и сильно на общество, как человек с каким бы то ни было талантом», а также не случайное напоминание обществу стихотворения Пушкина «Эхо» с завершающей строкой *«Тебе ж нет отзыва... Таков и ты, поэт!»*, думается, вывело Панаева на мысль развить тему гения и толпы, а «подтекстово» – тему вины светского общества («добрых людей») в гибели великого дарования Пушкина.

Панаев строит повествование «по композиции» «Повестей Белкина»: рассказ едва знакомого «автору» человека об одиноком, талантливом поэте («с таким светлым умом, доходившим иногда до поэтического прозрения»). «Автору» довелось встретиться с этим поэтом, покоренным гением Моцарта, на представлении «Дона Жуана» (прозрачная аллюзия отсылает к «Моцарту и Сальери»). История поэта трагична, пересказана в сентиментально-романтической тональности, что дало повод В. Г. Белинскому в статье об «Одесском альманахе на 1839 год» написать, что «г. Панаев в своей повести “Как добры люди!” <...> очень неудачно хочет представить чем-то действительным иступленное фантазерство» [2, с. 15].

Но в данном случае важнее предшествующее основному тексту рассказа «предисловие» – о безмерной вере в «людскую доброту». Мелькающие здесь аллюзии на «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова – обличение светского общества с упоминанием о «терновом венце» и лаврах, а также выбор эпитафии – вызывают в читательской памяти трагический образ Пушкина. Причем начинает Панаев свою филиппику, имитируя полное «простодушие»: «Мне всегда казались сомнительными люди, нападающие на общество, люди, злословящие людей». После намеренно наивных строк переходит к намекам, иронии, даже сарказму. Необходимо видеть этот фрагмент без сокращений (сохраним и орфографию оригинала):

«Ради Бога, не уверяйте меня, что для людей мертва поэзия природы. Неправда! Они с благоговейным страхом, с молитвою на устах, внемлют гласу Божьему в час бури; они с трепетом сердца, с замиранием духа прислушиваются к выстраданной гармонии великого поэта.

Для них дорог он – избранник Господень, вдохновенный провидец грядущего, чудодейственно возносящий их к небу и с недостижимой высоты показывающий им, бедным муравьям, на точку земли, где они суетливо и бестолково роятся! И они, в награду за это, лелеют его, устилают жизненный путь его цветами, хранят его, как зеницу ока! – Я где-то читал: “общество убило поэта”. Какая нелепая фраза! Эти добрые, сострадательные люди, составляющие общество, посягнут на жизнь своего собрата, и еще какого собрата – который доставлял им столько светлых, отрадных минут в жизни? Они вырвут из собственной диадемы единственное ее украшение, многоценный камень, сиявший тысячами радужных переливов – вырвут и безумно втопчут его в грязь?.. Это смешно! Можно ли составлять такие бессмысленные фразы и так безжалостно позорить общество?..

Может быть, точно, люди бывают иногда причиной гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному неведению. И потом какими тяжкими страданиями, какую раздирающую горестию выкупают они свое невинное преступление! Посмотрите, как, рыдая, они обступают гроб великого человека – а ведь эти рыдания так искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятенное чело навеки успокоившагося страдальца. Когда терновый венок жизни упал с головы его, они украшают эту священную голову лаврами. Добрые люди! Что, если бы он, великий, возстал в эту минуту и посмотрел на свою апофеозу? Не правда ли, он примирился бы в лице этих людей с целым человечеством, он обнял бы их как братьев?

Да, несмотря ни на какие выходки ненавистников человечества, я снова повторяю, что убежден в доброте людей... И вот почему я люблю эти торжественные, великолепные сборища, их балы и рауты, где жизнь, доведенная до высшей степени цивилизации, как искусно выграненный алмаз, блестит, ослепляя...» [33, с. 491–492].

Понял ли Надеждин намеки? Несомненно. Понял также, что столичное общество, а тем более общество одесское, сочувственно относилось к Пушкину; догадывался, что выпады Надоумко против Пушкина после гибели поэта особенно оживлялись у всех в памяти. Между тем его планы переезда в Одессу связывались с возобновлением литературных и научных занятий. Позднее в «Автобиографии» он вспоминал: «По возвращении моем с дальнего севера, болезнь моя усилилась так, что я с глубочайшею благодарностию принял предложение ехать на жительство в южную Россию, именно в Одессу. <...> Покойный Д. М. Княжевич с жаром принял тогда за водворение в этом новом крае истинного русского просвещения; между прочим, он основал в Одессе Общество истории и древностей, которого и был первым председателем. Это открыло мне новое поприще учено-литературной деятельности» [18, с. 67].

В Одессе Надеждин поселился у Д. М. Княжевича, который взял на себя заботы о больном и безденежном критике. Это узнаем из «Записок» Н. Н. Мурзакевича [17], а также из письма Д. М. Княжевича к С. Т. Аксакову от 4 марта 1842 г. [40].

«Русская Алгамбра»

Надеждин предчувствовал, что литературной Одессой благосклонно будет принят «пушкинский текст», тем более что именно в Одессе Пушкин готовил к печати «Бахчисарайский фонтан». Думается, так родился замысел «Русской Алгамбры», очерка для «Одесского альманаха на 1839 год». Исходя из сроков подготовки издания (цензурное разрешение «Одесского альманаха на 1839 год» датировано 31 декабря 1838 г.), очерк написан осенью 1838 г.

Содержание его составляло описание Бахчисарая и, в частности, Ханского дворца. Эпиграфом – строками из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина – открывался текст:

*Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.*

Не скупясь на романтические пассажи, автор воспевает образы, рожденные «гением незабвенного Пушкина» и явившиеся ему в тишине опустелого Ханского дворца:

*«О! велико могущество поэзии! это тихое журчание лениво каплющей струи как вдруг сделалось для нас красноречиво! Вам слышится в нем ропот знакомого голоса. Слепящаяся влага кажется действительно горячею слезою, выкипающею со dna измученного сердца. Вокруг вас возникает рой чудных призраков. Безмолвная пустота населается, оживает. Кто-то огненным дыханием коснулся вашей щеки... Это она! Это носится Зарема,
ревностью дыша,*

Средь опустелого гарема!

Какой-то шелест прокрался в ваш слух... Это он! Это неусыпный дракон, сторожащий заветные, недоступные плоды! Это он,

ступая тихо по коврам,

К послушным крадется дверям,

От ложа к ложу переходит...» и т. д. [21, с. 372–373].

И неважно, как звали «любимейшую из жен» Керим-Гирея. «Мы знаем ее под очаровательным именем Марии, которое нарекли ей вещи струны певца “Бахчисарайского фонтана”», – продолжает Надеждин [21, с. 372–373], будто в 1829–1830 гг. не изощрялся: «певец Фактыдурая», «фонтаны закланы для Пушкина». Впрочем, для читателя дело объяснялось бы просто: Надеждин посетил Бахчисарайский дворец, поразивший его до глубины души и открывший тайну «гения Пушкина».

Алгамбра (Алгамбра) – архитектурно-парковый ансамбль, созданный династией Насридов (1230–1492) в Гренаде; памятник исламской архитектуры. Название Надеждина «Русская Алгамбра» настраивало на осмысление исторических аналогий. Очерк лишь в самом начале имеет жанровые приметы «путешествия». Основная часть представлена тремя рожденными воображением автора «рассказами» из истории Крымского ханства. Первый относится к 1475 г.: в долине, на месте

будущего Бахчисарая, в своем шатре едва не убит заговорщиками хан Менгли-Гирей; в критическую минуту его спасает мангупский князь Исайко (Исаак). Рассказ второй – о дворцовых интригах и отречении от ханства Хаджи-Селим-Гирея. В третьем рассказе показаны события 1783 г., когда Крым перешел в подданство России. В результате «Русская Алгамбра» – объемное (более 100 страниц убористого текста) произведение, в работе над которым (в частности, над историческими рассказами) автор использовал, как пишет в послесловии [21, с. 473–478], труды по истории Крыма. Но понятно желание читателя почувствовать в тексте нечто «надеждинское» – чего, например, не заметили ранее путешествующие к Бахчисараю.

Напомним, что к моменту создания «Русской Алгамбры» уже были опубликованы описания Бахчисарайского дворца Манштейном, И. М. Муравьевым-Апостолом, П. П. Свиным. А в начале 1834 г. в Одессе при поддержке М. С. Воронцова вышел первый в истории «Путеводитель путешественника по Крыму» Ш. Монтандона [15], Покровительство Воронцова обеспечило Монтандону возможность объехать весь Крым, максимально наполнить «Путеводитель» выверенными сведениями, так что книга стала «универсальным справочником», «добросовестным и незаменимым руководством» для путешественников [23, с. 31]. Заметим, что эпиграфом ко всему «Путеводителю...» выбраны строки из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина:

*Волшебный край, очей отрада,
Все живо там, холмы, леса;
Янтарь и пурпур винограда,
Долин приютная краса!*

Кстати, не лишено оснований предположение о личном знакомстве Пушкина и Монтандона в Одессе. Это следует из письма Монтандона, отправленного Пушкину в 1834 г. вместе с подарочным экземпляром «Путеводителя» (хранится в Мемориальном Музее-квартире А. С. Пушкина на набережной Мойки) [23, с. 19–20].

«Путеводитель» Монтандона имелся во многих частных библиотеках России [23, с. 30–31]) и тем более в домах Одессы. Равно доступна была в Одессе и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие в Тавриду в 1820 году» [16]. К слову, Надеждин вслед за Муравьевым-Апостолом называет Бахчисарайский дворец Алгамброй: у Муравьева-Апостола – «таврическая Аламбра». Впрочем, признаем, что название «Русская Алгамбра» сообщило очерку историческую концептуальность. Но Надеждину важно было показать «пушкинский» Бахчисарай. Нужны были бахчисарайские картины, описания реалий. Они есть в очерке Надеждина, но очень «перекликаются» с текстом Монтандона.

Так, Монтандон при первом взгляде на город видит «мечети и многочисленные минареты, которые взвинчиваются всюду с пирамидальными тополями <...> на фоне изъеденных скал округлой формы» [15, с. 168].

Надеждин: «Под ногами у вас лес мечетей и минаретов, вокруг которых толпятся домики прихотливой азиатской физиономии <...>. Яркая зелень роскошной южной растительности, виющая пышными узорчатыми гирляндами по узорной канве фантастически взгроможденных скал, каймит этот восхитительный ландшафт <...>» [21, с. 372].

Есть необходимость подметить, что татарские домики простых людей имели, скорее, «неприхотливую» наружность, сооружались либо из дикого камня, либо это были плетневые строения, обмазанные глиной. Так, здание Бахчисарайского приходского училища было «частью плетневым, частью каменной постройки» [25, с. 262–263]. Да и невозможно разглядеть мусульманские жилища за высокими заборами. «Что касается до архитектуры обыкновенных домов, то она не отличается ничем особенным, кроме устройства труб, сквозных и сделанных в виде маленьких остроконечных башенок», – пишет посетивший Бахчисарай в 1837 г. А. Н. Демидов [8, с. 372]. Кроме того, «изъеденные скалы округлой формы» у Монтандона реалистично отражают бахчисарайский горизонт – в отличие от «фантастически взгроможденных скал» и «роскошной южной растительности» Надеждина, скорее ассоциирующихся с рельефами крымского Южного бережья, а не скромными видами засушливого Бахчисарая.

Вот как пишет Монтандон о главной улице Бахчисарая:

«Главная улица, плохо мощеная, где с трудом могут разминуться два экипажа, представляет собой почти не прерывающиеся на протяжении полутора верст два ряда лавок и торговых палаток из дерева, открытых на улицу, что позволяет видеть, как этот народ подковывает быков, раскладывает товары, работает бритвой, месит тесто, разделявает мясо и занимается разными привычными ему ремеслами» [15, с. 168].

Надеждин о той же улице:

«Главная бахчисарайская улица есть излучистый коридор бесконечного гостиного двора, такой узенький, что две маджары с трудом могут на ней разъехаться <...>. В распахнутых настежь лавках, которые по обе стороны улицы тянутся на протяжении почти двух верст <...> жители Бахчисарая «живут» в полном смысле слова <...>. Портной кроит платье, сапожник тачает сапоги, хлебник валяет тесто, мясник свежует баранов, кузнец стучит тяжелым молотом, цирюльник сверкает острою бритвою» [21, с. 372].

Настораживает «добавленная» Надеждиным сценка: «портной кроит платье». Шить одежду – занятие женщин; но шить в лавке, на виду у всех мусульманки не могли.

У Монтандона читаем:

«Торговля тканями, колониальными товарами и галантереей почти целиком находится в руках евреев-караимов с Чуфут-Кале, которые каждое утро спускаются со скал на ослах или мулах, чтобы идти торговать в больших лавках, а вечером вернуться к своим очагам» [15, с. 169].

Надеждин о том же:

«То, что составляет торговлю в собственном смысле, не входит в круг занятий настоящих граждан Бахчисарая: ею занимаются здесь почти исключительно жида-караимы, обитатели отдаленного подблочного предместья, известного под именем Чуфут-Кале, которые, ежедневно, с

рассветом утра спускаясь в город, а к ночи возвращаясь в свое птичье гнездо на тощих, ленивых ослах, придают картине еще более оригинальности» [21, с. 176].

Тот, кто действительно видел подъем на Чуфут-Кале, вряд ли назвал бы ленивыми ослов, ежедневно спускающихся и поднимающихся по каменистой крутой дороге в горный город с тяжелым грузом.

Проведенные наблюдения убеждают, что Надеждин прибегал к заимствованиям. Но бывал ли Надеждин в Бахчисарае до написания очерка? Сопоставим факты.

Надеждин впервые побывал в Крыму в 1832 г., на возвратном пути из заграничной поездки, которую, кстати, он совершил со своим другом Д. М. Княжевичем, в то время чиновником министерства финансов. В «Автобиографии» Надеждин коротко упомянул об этой поездке, но ничего не написал о Бахчисарае:

«Доктор признал необходимым, чтобы я на лето съездил за границу. Это заставило меня просить увольнения от службы с дозволением совершить путешествие. Разрешение на то и на другое, в виде отпуска, дано было мне в июне 1832 года. Я отправился в Германию, Францию и Италию и провел в этом путешествии до конца сей год, возвратясь в Москву в конце декабря месяца. <...> При возврате в отечество, я совершил довольно продолжительную экскурсию у себя дома, на берегах Черного моря, от Одессы до Керчи, изучая также памятники, собранные на этой классической почве монументальных развалин» [18, с. 67].

«Экскурсия», как следует из сообщенных Надеждиным дат, пришлась на осень (в декабре уже был в Москве); причем «экскурсия» была морской – из Одессы с остановками в крымских портах в Евпатории, Балаклаве, Ялте, Керчи. Разгрузка и погрузка грузов в портах, занимавшая несколько часов, позволяла пассажирам совершить небольшие экскурсии; однако упомянута лишь Керчь («...от Одессы до Керчи»). При таком маршруте поездка в Бахчисарай, т. е. далеко вглубь полуострова, потребовала бы много времени, сил и стоила дорого.

Ненастной осенью 1835 г. была у Надеждина еще одна поездка в Крым, на этот раз сухопутная и опять с Д. М. Княжевичем. Дорога по осенней распутице оказалась нелегкой. Но, думается, это была необходимая Княжевичу поездка к брату Владиславу в Симферополь, связанная, возможно, с покупкой земли на юго-востоке полуострова. Княжевич пригласил в поездку Надеждина, попавшего тогда в тяжелое положение в связи с несостоявшейся женитьбой на Е. В. Сухово-Кобылиной. В «объяснении» А. П. Доброклонского к письмам Надеждина этого периода, опубликованным Рязанской Ученой архивной комиссией, обстоятельства поездки выглядели так. После взбудоражившего Москву скандала об отношениях Надеждина и молодой Е. В. Сухово-Кобылиной, «в обстановке сплетен» и «догадок» Надеждин решает выйти в отставку из Московского университета, окончательно «сбросить с себя синюю профессорскую шкуру» и стать, например, вице-губернатором; даже «наметил», где получит должность. С. Т. Аксаков его отговаривает. А «Александр Княжевич со своей стороны даже улыбнулся, когда услышал от Надеждина, что тот хочет служить где-нибудь в губернском городе, а не в столице», – продолжает

А. П. Доброклонский [9, с. 582]. В таком настроении Надеждин решил на путешествие: «С ним собирался Дмитрий Княжевич со своим сыном и Константин Сергеевич Аксаков, но через несколько времени этот последний отдумал». Надеждин, «окончив в Московском университете курсовые экзамены, отправился за границу вместе с Д. Княжевичем», и «намеченный им путь» лежал по Северной Германии, Рейну, Швейцарии, Франции и верхней Италии. По возвращении Надеждина из заграничного путешествия, подмечает А. П. Доброклонский, «вопрос о женитьбе на Е. К. перестал его волновать»: «Путешествие ли охладило его страстный пыл, или другие обстоятельства помешали поддерживать близкие связи с Е. К-ой, об этом ничего не говорят сохранившиеся письма» [9, с. 583].

Итак, прежде чем поехать за границу, Надеждин с Княжевичем побывали в Крыму и возвратились в Москву. Вот письмо Надеждина М. А. Максимовичу из Симферополя от 7 ноября 1835 г. (сохраняем орфографию оригинала): «Не знаю, когда мы выберемся из Крыма и доберемся до Москвы. Дорога гнусная. Мы ехали снегом от Браулова до Перекопа... Одесса завалена сугробами... Половина Буга замерзла под Николаевым. Днепр под Бериславом переезжают по льду... В Крыму грязь непроходимая – туманы свинцовые... Солнце едва продирается сквозь тучи. Мы приехали сюда во вторник, 5 ноября, вечером; и в субботу думаем ехать на Южный берег... (видимо, в Кучук-Узень. – Л. О.). Я привезу тебе раковин... и т. д.» [18, с. 75]. О Бахчисарае ни слова. Да и как при такой беспутнице и сжатых сроках решиться на трудную дорогу в Бахчисарай; в Симферополе усталый Надеждин тепло был принят в имении Марьино (близ Симферополя) братом Д. М. Княжевича Владиславом Максимовичем, Таврическим вице-губернатором с 1832 г. [30, с. 431–461].

А в конце декабря 1835 г. путешественники были уже во Франции. Поездка продолжалась до середины апреля 1836 г. Путевые впечатления Надеждин заносил в дорожный дневник; записи легли в основу очерка «Путешествие по Рейну», напечатанного без подписи в «Телескопе» (№ 3, с. 494–573).

Итак, весьма трудно утверждать, что Надеждин побывал в Бахчисарае и Ханском дворце до 1838 г., т. е. до написания «Русской Алгамбры». Надеждин спешил. При небольшом количестве присланных для альманаха литературных материалов, ему приходилось подготовить сразу два текста, тематически привязанные к Новороссийскому краю. Причем они должны быть *объемными*, что, кстати, почувствовал Белинский и в обзоре «Одесского альманаха» отметил как лучшие статьи Надеждина «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края» и «Русскую Алгамбру», где «занимательность – ее достоинство, а растянутость – недостаток» [2, с. 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала 1839 г. к печати уже готовился следующий выпуск «Одесского альманаха» – на 1840 год; для него Надеждин написал статью «Литературная летопись Одессы», где опять звучит имя Пушкина. По мысли Ю. Манна [13, с. 40–41], в этих текстах у Надеждина заметна перемена отношения к Пушкину, к его творчеству. «Перемену» заметили все. И насколько это было для Надеждина

актуально, видно из его письма к А. А. Краевскому от 29 января 1840 г.: «...Назад тому десять лет, при вступлении моем на литературное поприще, я <...> имел смелость восстать против Пушкина <...>. Я даже “ругал” его, если хотите <...>. Я сам отрекаюсь теперь от моих тогдашних выходок <...>. Образ мыслей моих, мой взгляд, моя, так сказать, душевная организация с тех пор значительно переменялись <...>. И это высказываю я громко <...>. Что же может тянуть меня за язык теперь и принуждать к притворству?.. Пушкин, верно, умел ценить меня <...>. Я имею от него письма. И все это было после моих критик! Стал ли бы он поступать так, если бы в статьях моих против него была злоумышленность?.. Будет время, когда я изложу в подробности и перед публикою не защищение свое (защищаться мне не в чем), но историю моего внутреннего развития и происходивших во мне *переворотов* (выделено мною – Л. О.): тогда объяснятся и мои отношения к великому незабвенному поэту» [31, с. 150].

ВЫВОДЫ

При всей противоречивости представленной в статье истории «Русской Алгамбры» необходимо учитывать, что появление в 1838 г. произведений, где подтекстово (как у И. И. Панаева) и в открытом тексте (как у Н. И. Надеждина) звучала пушкинская тема, разрывало установленные в начале 1837 г. «непревышения» на появление материалов о Пушкине. Объявленные тогда цензурные ограничения имели негласный эффект инерции и в 1838 г. Но «Одесский альманах на 1839 год» Д. И. Княжевича, безусловно, с одобрения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, открыто заговорил в очерке Надеждина о «гении незабвенного Пушкина». В следующем выпуске «Одесского альманаха» – на 1840 год появляется очерк Надеждина «Литературная летопись Одессы», интересный, как писал Белинский, «по живому воспоминанию о влиянии Новороссийского края на поэзию Пушкина» [4, с. 225]. Особый смысл виделся читателю в том, что о Пушкине писал тот самый скандально прославившийся в 1829–1830-х гг. Никодим Надоумко, причем писал в Одессе, из которой был выслан Пушкин в Михайловское, но в которой хранились воспоминания о Пушкине. В понимании читателей Одесса, а также Крым, становились «территориями Пушкина», с годами трансформирующимися в понятие «Пушкинские места».

Отметим, наконец, заслуги и личный вклад Надеждина в создание «Одесских альманахов» на 1839 и 1840 годы, ставших событием литературной жизни Юга России. Одесса заявила о себе ярко. Вышедшие альманахи отразили картину литературных интересов и опытов и, кроме того, весьма успешных историко-краеведческих инициатив [11, 433–449, 469–523].

И. И. Панаев и Н. И. Надеждин войдут в историю русской литературы как писатели пушкинской эпохи. В 1846 г. пушкинский «Современник» перейдет от П. А. Плетнева к И. И. Панаеву, Н. А. Некрасову, В. Г. Белинскому и станет в ряду самых авторитетных российских изданий, сыграет особую роль в сложных цензурных условиях времени Крымской войны 1853–1856 гг. [30, с. 311–363].

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Друг писателей» М. А. Языков и Ф. М. Достоевский: взаимоотношения в письмах, атрибуция, комментарий // Неизвестный Достоевский. Междунар. электронный науч. журнал. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 23–58.
2. [Белинский В. Г.] Одесский альманах на 1839 год. – Одесса. 1839. В городской типографии. 618 (16) // Московский наблюдатель. – 1839. – Ч. II. – № 3, отд. IV. – С. 13–17.
3. Белинский [В. Г.]. Письма: 3 т. / Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – Т. 1: [1829–1839]. – 1914. – VIII, 427 с.
4. Белинский В. Г. Полное собрание соч. В. Г. Белинского. В 12-ти томах / под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. – Т. 5: Критические статьи. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – 580 с.
5. Вацуро В. Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. – Л.: Наука, 1979. – С. 46–64.
6. Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. – М.: Книга, 1978. – 287 с.
7. Государственный архив Республики Крым. – Ф. 108, оп. 1. – Ед. хр. 70. – Л. 28.
8. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. – Москва: В тип. Александра Семена, 1853. – 543 с.
9. К биографии профессора Н.И. Надеждина // Русский архив. – 1885. – Вып. 8. – С. 573–583.
10. Кошелев В. А. «Вологодская история» Никодима Надоумко // Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. – Архангельск, 1985. – С. 166–180.
11. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
12. Ларионова Е. О. «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828—1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой – Санкт-Петербург, 2001. – 576 с.
13. Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. – СПб: Имп. Акад. наук, 1910. – 557 с.
14. Максимович М. А. Воспоминание о Надеждине // Москвитянин, учено-литературный журнал. – 1856. – Т. 1. – № 3. – С. 225–234.
15. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Перевод с франц. В. В. Орехова. – К.: ИД «Стилос», 2011. – 416 с.
16. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 годѢ. – Санктпетербург: Печ. в тип., состоящей при особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел, 1823. – 337 с.
17. Мурзакевич Н. Н. Записки // Русская старина. – 1887. – Т. 55. – С. 477–498.
18. Надеждин Н. И. Автобиография. С дополнениями П. С. Савельева // Русский вестник. – 1856. – Т. 2. – № 3. – С. 49–78.
19. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. статья, сост. и комм. Ю. Манна. – М.: Худож. лит., 1972. – 575 с.
20. Новикова Е. В. Выбор оружия. Эпиграмма в судьбе Пушкина // Звезда. – 1999. – № 6. – С. 164–175.
21. Одесский альманах на 1839 год / Сост. и ред. Н. И. Надеждин. – Одесса: в Городской Типографии, 1839. – 618 с.
22. Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное, по приказу графа Миниха, Капитаном Манштейном // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным, тип. Плавильщикова, 1824. – Ч. 19. – № 51. Июль. – С. 75–100.

23. Орехов В. В. Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – К.: ИД «Стилос», 2011. – С. 10–41.
24. Орехова Л. А. «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сб. науч. статей. – Арзамас – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – С. 114–124.
25. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. «Социально-гуманитарные науки». – Псков: Псковский гос. университет, 2015. – № 1. – С. 258–265.
26. Орехова Л. А. Д. М. Княжевич: литература и просвещение // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 474–478.
27. Орехова Л. А. Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 79–87.
28. Орехова Л. А. Об одном эпизоде из литературной жизни 1823 года // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей по итогам Междунар. науч. конф. – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2006. – С. 67–76.
29. Орехова Л. А. Сосед Державина М. Д. Княжевич // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород: Нов ГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – С. 130–142.
30. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2010. – 480 с.
31. Осовцов С. Кто был автором «Литературной летописи Одессы»? // Русская литература. – 1966. – № 1. – С. 145–150.
32. Отзывы одесских газет о смерти Пушкина / Сообщил Л. С. М-ч (Мацеевич) // Русская старина. – 1887. – Т. 5. Апрель. – С. 155–158.
33. Панаев И. И. Литературные воспоминания / Вступ. ст. и комм. И. Г. Ямпольского. – М.: Правда, 1988. – 448 с.
34. Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. / Сост. и коммент. В. Э. Вацура и др. – 575 с.
35. Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. – М.: Тип. Августа Семена при Имп. Медико-хирургич. академии, 1824. – 48 с.
36. Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / [А. М. Березкин и др.]; Под общ. ред. Е. О. Ларионовой / Вступ. ст. Е. О. Ларионовой. – СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. – 576 с.
37. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16-ти т. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1937–1949.
38. Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); под ред. Б. П. Городецкого [и др.]. – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1966. – 663 с.
39. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. – 520 с.
40. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 10. – Оп. 1. – Ед. хр. 71. – Л. 23.

41. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века) / Сост.: М. И. Гиллельсон, К. А. Кумпан. – Л.: Советский писатель (Ленингр. отд-ние.), 1988. – 784 с.
42. *Свиньин П. П.* Бахчисарайский дворец. Из путевых записок издателя «Отчественных» зап<исок>» 1825 года // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. – С.-Петербург, в тип. К. Крайя, 1827. – Ч. 29. – № 1 (январь). – С. 3–27.
43. *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина / Ред. Н. С. Ашукин. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. – 631 с.
44. Современная русская библиография (Б. п.) // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Николаем Гречем. – С.-Петербург, в тип. Н. Греча. – 1824. – Ч. 92. – № 12. – С. 233–235.
45. Современник. – Т. 9. – СПб: В тип. А. Воейкова и комп., 1838. – 170 с.

References

1. Andrianova I. S. «*Drug pisatelej*» M. A. Jazykov i F. M. Dostoevskij: vzaimootnoshenija v pis'mah, atribucija, kommentarij [Friend of Writers' M. A. Yazykov and F. M. Dostoevsky: relationships in letters, attribution, commentary]. *Neizvestnyj Dostoevskij. Mezhdunar. jelektronnyj nauch. zhurnal*. Petrozavodsk, Petrozavodskij gos. un-t Publ., 2017, vol. 4, no. 2, pp. 23–58.
2. [Belinskij V. G.] *Odesskij al'manah na 1839 god. – Odessa. 1839. V gorodskoj tipografii. 618 (16)* [Odessa almanac for 1839. – Odessa. 1839. In the city printing house. 618 (16)] // *Moskovskij nabljudatel'*, 1839, part II, no. 3, pp. 13–17.
3. Belinskij [V. G.]. *Pis'ma: 3 t. T. 1* [Letters. In 3 volumes. T. 1]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1914. 427 p.
4. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie soch. V. G. Belinskogo. V 12-ti tomah. T. 5: Kriticheskie stat'i* [Complete works of V. G. Belinsky. In 12 volumes. T. 5: Critical articles]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1901. 580 p.
5. Vacuro V. Je. *Iz neizdannyh otklikov na smert' Pushkina* [From unpublished responses to the death of Pushkin]. *Vremennik Pushkinskoj komissii. 1976*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 46–64.
6. Vacuro V. Je. «*Severnye cvety*»: *Istorija al'manaha Del'viga – Pushkina* [“Northern Flowers”: The History of the Almanac of Delvig and Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1978. 287 p.
7. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym* [State Archives of the Republic of Crimea]. Fund 108, inventory 1, storage unit 70, sheet 28.
8. Demidov A. N. *Puteshestvie v Juzhnuju Rossiju i Krym, cherez Vengriju, Valahiju i Moldaviju, sovershennoe v 1837 godu Anatolijem Demidovym* [Travel to Southern Russia and Crimea, through Hungary, Wallachia and Moldova, made in 1837 by Anatoly Demidov]. Moscow, V tip. Aleksandra Semena, 1853. 543 p.
9. *K biografii professora N. I. Nadezhdina* [To the biography of Professor N. I. Nadezhdin]. *Russkij arhiv*, 1885, no. 8, pp. 573–583.
10. Koshelev V. A. «*Vologodskaja istorija*» *Nikodima Nadoumko* [“Vologda history” by Nikodim Nadoumko]. *Vologodskie davnosti: Literaturno-kraevedcheskie ocherki*. Arhangel'sk, 1985. pp. 166–180.
11. *Krymskij mif v russoj kul'ture pervoj poloviny XIX v. Svod maloizvestnyh svidetel'stv sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century. A collection of little-known contemporary testimonies]. Ed. by K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orehova, D. K. Pervyh, A. S. Sheremet. Veliky Novgorod, Simferopol', Rastr Publ., 2017. 768 p.
12. Larionova E. O. «*Uslyshish' sud glupca...*» (*Zhurnal'nye otnoshenija Pushkina v 1828–1830 gg.*) [“You will hear the judgment of a fool...” (Journal relations of Pushkin in 1828–1830)]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike. 1828–1830*. St. Petersburg, 2001. 576 p.

13. Lerner N. O. *Trudy i dni Pushkina* [Works and days of Pushkin]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1910. 557 p.
14. Maksimovich M. A. *Vospominanie o Nadezhdine* [Memories of Nadezhdin]. *Moskvitjanin, ucheno-literaturnyj zhurnal*, 1856, vol. 1, no. 3, pp. 225–234.
15. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym* [A traveler's guide to Crimea, decorated with maps and plans. Views and vignettes and preceded by an introduction about different ways to move from Odessa to Crimea]. Kyiv, Stilos, 2011. 416 p.
16. Murav'ev-Apostol I. M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 gode* [Travel to Taurida in 1820]. St. Petersburg: Kanceljarija Ministerstva Vnutrennih Del Publ., 1823. 337 p.
17. Murzakevich N. N. *Zapiski* [Notes]. *Russkaja starina*, 1887, vol. 55, pp. 477–498.
18. Nadezhdin N. I. *Avtobiografija. S dopolnenijami P. S. Savel'eva* [Autobiography. With additions by P. S. Savelyev]. *Russkij vestnik*, 1856, vol. 2, no. 3, pp. 49–78.
19. Nadezhdin N. I. *Literaturnaja kritika. Jestetika* [Literary criticism. Aesthetics]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1972. 575 p.
20. Novikova E. V. *Vybor oruzhija. Jepigramma v sud'be Pushkina* [Choice of weapons. Epigram in the fate of Pushkin]. *Zvezda*, 1999, no. 6, pp. 164–175.
21. *Odesskij al'manah na 1839 god* [Odessa almanac for 1839]. Odessa, Gorodskaja Tipografijai Publ., 1839. 618 p.
22. *Opisanie dvorca Hana Krymskogo i stolichnogo ego goroda Bahchisaraja, uchineno, po prikazu grafa Miniha, Kapitanom Manshtejnom* [Description of the palace of the Khan of Crimea and his capital city of Bakhchisarai, carried out, on the orders of Count Minich, by Captain Manstein]. *Otechestvennye zapiski*, 1824, part. 19, no. 51 (July), pp. 75–100.
23. Orehov V. V. *Pervyj putevoditel' po Krymu* [The first guide to Crimea]. *Montandon Sh. Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym*. Kyiv, Stilos Publ., 2011, pp. 10–41.
24. Orehova L. A. «Arzamas» i literaturnye orientiry D. M. Knjazhevicha [“Arzamas” and literary landmarks of D. M. Knyazhevich]. *Literaturnoe obshhestvo «Arzamas»: istorija i sovremennost'.* *Sb. nauch. statej.* Arzamas, Nizhnij Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 114–124.
25. Orehova L. A. «Bahchisarajskij fontan» A. S. Pushkina v literature puteshestvij po Krymu: problemy interpretacii [“The Bakhchisarai Fountain” by A. S. Pushkin in the literature of travel around the Crimea: problems of interpretation]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*, 2015, no. 1, pp. 258–265.
26. Orehova L. A. *D. M. Knjazhevich: literatura i prosveshhenie* [D. M. Knyazhevich: literature and education]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (8–11 ijunja 2016 g.): sb. nauch. statej. V 2-h t.* Simferopol', ARIAL Publ., 2016, vol. 2, pp. 474–478.
27. Orehova L. A. *Literaturno-kriticheskie vozzrenija D. M. Knjazhevicha (po publikacijam v «Sankt-Peterburgskom vestnike» 1812 goda)* [Literary and critical views of D. M. Knyazhevich (based on publications in the “St. Petersburg Bulletin” of 1812)]. *Uchenye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 79–87.
28. Orehova L. A. *Ob odnom jepizode iz literaturnoj zhizni 1823 goda* [About one episode from the literary life of 1823]. «Lipeckij potop» i puti razvitija russkoj literatury: *Sb. nauch. statej po itogam Mezhdunar. nauch. konf.* Lipeck, 2006, pp. 67–76.
29. Orehova L. A. *Sosed Derzhavina M. D. Knjazhevich* [Derzhavin's neighbor M. D. Knyazhevich]. *Novgorodskij Derzhavinskij sbornik (K 200-letiju so dnja smerti pojeta)*. Veliky Novgorod, Nov GU im. Jaroslava Mudrogo, 2016, pp. 130–142.
30. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa*

Орехова Л. А.

- [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
31. Osovcev S. *Kto byl avtorom «Literaturnoj letopisi Odessa»?* [Who was the author of the “Literary Chronicle of Odessa”?]. *Russkaja literatura*, 1966, no. 1, pp. 145–150.
 32. *Otzyvy odesskih gazet o smerti Pushkina. Soobshhil L. S. M-ch (Maceevich)* [Reviews of Odessa newspapers about the death of Pushkin. Reported by L. S. M-ch (Matseevich)]. *Russkaja starina*, 1887, vol. 5, pp. 155–158.
 33. Panaev I. I. *Literaturnye vospominanija* [Literary memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 448 p.
 34. *Perepiska A. S. Pushkina. V 2-h t.* [Correspondence of A. S. Pushkin. In 2 volumes]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1982, vol. 2. 575 p.
 35. Pushkin A. S. *Bakhchisarajskij fontan. Sochinenie Aleksandra Pushkina* [Bakhchisarai fountain. Essay by Alexander Pushkin]. Moscow, Tip. Avgusta Semena pri Imp. Mediko-hirurgich. akademii Publ., 1824. 48 p.
 36. *Pushkin v prizhiznennoj kritike: 1828–1830* [Pushkin in lifetime criticism: 1828–1830]. St. Petersburg, Gos. Pushkinskij teatral'nyj centr v Sankt-Peterburge Publ., 2001. 576 p.
 37. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: V 16-ti t.* [Complete works: In 16 volumes]. – Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1937–1949.
 38. *Pushkin: Itogi i problemy izuchenija: Kollektivnaja monografija* [Pushkin: Results and problems of study: Collective monograph]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ, 1966. 663 p.
 39. *Pushkinskaja jenciklopedija: Proizvedenija. Vyp. 1. A–D* [Pushkin Encyclopedia: Works. Vol. 1. A–D]. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2009. 520 p.
 40. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. Fund. 10, inventory 1, storage unit 71, sheet 23.
 41. *Russkaja jepigramma (XVIII – nachalo XX veka)* [Russian epigram (18th – early 20th century)]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1988. 784 p.
 42. Svin'in P. P. *Bakhchisarajskij dvorec. Iz putevyh zapisok izdatelja «Otechestvennyh» zap<isok>» 1825 goda* [Bakhchisarai Palace. From the travel notes of the publisher of “Otechestvennye zapiski” in 1825]. *Otechestvennye zapiski*, 1827, part 29, no. 1, pp. 3–27.
 43. Smirnov-Sokol'skij N. P. *Rasskazy o prizhiznennyh izdanijah Pushkina* [Stories about Pushkin's lifetime publications]. Moscow, Izd-vo Vsesojuz. kn. palaty Publ., 1962. 631 p.
 44. *Sovremennaja russkaja bibliografija* [Modern Russian bibliography]. Syn Otechestva, istoricheskij, politicheskij i literaturnyj zhurnal. St. Petersburg, Tip. N. Grecha Publ., 1824, vol. 92, no. 12, pp. 233–235.
 45. *Sovremennik. T. 9* [Sovremennik. T. 9]. St. Petersburg, Tip. A. Voejkova i komp. Publ., 1838. 170 p.

ABOUT PUSHKIN IN 1838: I. I. PANAEV AND N. I. NADEZH DIN

Orehova L. A.

In 1838, in St. Petersburg, under the “special supervision” of the Minister of Education, eight volumes of the posthumous Collected Works of A. S. Pushkin were published. P. A. Pletnev continues the publication of Pushkin's “Contemporary” (IX–XII vols.), and volume nine opened with the epigraph: “He shows the way and the staff gives” - a line from Pushkin's “Answer to Anonymous”. The year 1838 was not only the year of commemoration of Pushkin, comprehension of the circumstances of his death, but also the role of the “lost poet of Russia” (P. A. Pletnev) in national history. The publication in the South of Russia of the “Odessa Almanac for 1839” makes it possible to judge the unfolding trend of open conversation about Pushkin, the establishment of the memory of him in society.

Key words: A. S. Pushkin, “Odessa Almanac”, “Russian Alhambra”, I. I. Panaev, N. I. Nadezhdin, D. M. Knyazhevich.